

SENSEMAKERS

ФИЛОСОФ&Я
ШКОЛА МЫСЛИ

ДАЛЬ
ФИЛОСОВСКИЙ
КНИЖНЫЙ

ДИАЛЕКТИКА В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРЫ

К 85-летию со дня рождения
Евгения Семёновича Линькова (1938-2021)

Сборник научных статей

Отв. редакторы
А. Н. Муравьёв, А. А. Иваненко

Издательство «Умозрение»

Санкт-Петербург

2023

УДК 1/14
ББК 87.3
Д27

Рецензенты: д-р филос. наук, проф. И. Д. Осипов (С.-Петербург. гос. ун-т);
к. филос. наук, доцент А. А. Львов (С.-Петербург. гос. ун-т).

*Издание осуществлено при поддержке международной
консалтинговой компании Sensemakers
и образовательного проекта
«ФИЛОСОФ&Я — школа мысли»*

Д27 **Диалектика в истории философии и культуры** / Отв. ред.
А. Н. Муравьев, А. А. Иваненко. — СПб.: Издательство «Умозрение»,
2023. — 368 с.
ISBN 978-5-6046524-6-6

Сборник научных статей составлен на основе материалов
Всероссийской научной конференции «Диалектика в истории
философии и культуры», которая прошла 6-7 апреля 2023 г.
в Институте философии Санкт-Петербургского государственного
университета.

УДК 1/14
ББК 87.3

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
<i>Муравьев А. Н.</i> Диалектика философии и опыта в истории философии и культуры	11
<i>Батракова И. А.</i> Основные этапы развития всеобщей диалектики отрицательности	21
<i>Макаров В. В.</i> Отношение спекулятивной философии к диалектике (Аристотель и Гегель)	47
<i>Бойко П. Е.</i> Христианство и всеобщая диалектика. О возможности и необходимости научно- философской реформации христианского мира	53
<i>Дмитров И. И.</i> Диалектический способ мышления как результат феноменологического введения в философию в лекциях Е. С. Линькова	66
<i>Мочалова И. Н.</i> К вопросу о становлении философской методологии: античная диалектика от софистов до Прокла	79
<i>Виноградов Д. А.</i> Феноменологические диалоги Платона как введение в диалектику	99
<i>Гусев Д. О.</i> Диалектика мышления и бытия в критической философии Иммануила Канта	117
<i>Протопопов И. А.</i> Учение об антиномиях и идея диалектики в кантовской философии	129
<i>Ноговицин О. Н.</i> Диалектика совести в метафизике Канта: либерализм и моральный закон	145

<i>Мурский В. В.</i> Фихтевская диалектика и ее историко-философские корни.	182
<i>Иваненко А. А.</i> Количественная диалектика в учениях Фихте и Шеллинга	195
<i>Морозов М. Ю.</i> Диалектика от Канта до Гегеля: между видимостью и абсолютной идеей.	207
<i>Тимофеев А. И.</i> Диалектика взаимодействия сознания и самосознания в гегелевском истолковании духа	228
<i>Богатырёв Д. К., Масленников Д. В.</i> Дух истории и суд истории в диалектике Гегеля	247
<i>Климентьев В. Е.</i> Гегель и Энгельс: три закона диалектики	258
<i>Ляшко И. А.</i> Диалектика абсолютного и относительного в идеализме Гегеля и материализме Лифшица: сравнительный анализ	270
<i>Цыпина Л. В.</i> Сёрен Кьеркегор о «диалектической трудности», прыжке и проблеме конфиниумов.	283
<i>Ананьева Е. М.</i> Два «Филеба»	296
<i>Дудин А. О.</i> Диалектика решения апорий Зенона Элейского: к исследователю теории модельного синтеза Ю. И. Бродскому	317
<i>Арсланов В. Г.</i> Александр Иванович Галич – первый профессор философии Санкт-Петербургского университета, его жизнь и идеи	335
<i>Войтеховский Ю. Л.</i> О бесконечном в представлениях о конечном: три примера из наук о минералах	355

К вопросу о становлении философской методологии: диалектика (античная традиция от софистов до Прокла)

И. Н. Мочалова

канд. филос. н., доц.;

Mochalova@yandex.ru

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7–9

Статья посвящена исследованию формирования и дальнейшей эволюции диалектики как одной из форм методологии, сложившейся в античной мысли. В статье анализируются условия возникновения и особенности софистической риторики. Показывается, что в рамках софистического дискурса разрабатывается техника аргументации, возникают эристика и антилогика как этически и гносеологически нейтральные практики работы со словом. Утверждается, что интеллектуальное соперничество с риторическим искусством софистики и создание философской школы приводят Платона к необходимости переосмысления техники беседы и разработки диалектического метода, позволяющего достичь истины. В ходе анализа эволюции взглядов Платона раскрывается развитие «диалектического искусства»: процедура возведения (*συναγωγή*) чувственно воспринимаемого множества к единому понятию дополняется методом деления (*διερέζω*), а диалектика сохраняет статус высшей формы рассудочного знания (*ἐπιστήμη*).

Развитие диалектики как учебной дисциплины в Академии приводит к сближению диалектики с риторикой и софистикой. Как академики, так и Аристотель понимают диалектику, прежде всего, как форму организации знания, а не метод достижения истины.

В ходе дальнейшего анализа раскрываются различные стратегии понимания диалектики, складывающиеся в стоицизме, среднем и позднем платонизме; показывается, что онтологические построения той или иной школы определяют содержание диалектики как методологии.

Ключевые слова: диалектика, логика, софистика, риторика, эристика, платонизм, стоицизм, неоплатонизм.

Во второй половине V в. до н. э. в условиях афинской демократии «слово» (λόγος) становится одним из важнейших факторов функционирования всей государственной системы и основным инструментом социализации граждан. Выражая настроение эпохи, Горгий, один из наиболее известных знатоков словесного искусства, в «Похвале Елене» так воспел слово: «Слово – величайший владыка: видом малое и незаметное, а дела творит чудесные – может страх прекратить и печаль отвратить, вызвать радость, усилить жалость» (3, 28)¹. Потребность в умении говорить ярко и убедительно не могла вполне удовлетворяться за счет одной природной одаренности: нужна была профессиональная выучка, которую могло дать только систематическое обучение, основанное на рациональном управлении процессом словесного творчества.

Софистическая риторика и профессионализация эристики

В качестве учителей-профессионалов выступили софисты². Поскольку практические задачи требовали реальной эффек-

¹ Ученик Горгия, Исократ, создатель крупнейшей риторической школы Эллады, вслед за учителем неоднократно подчеркивавший силу слова, в определенном смысле подводя итог развитию словесного искусства, в «Никокле» (ок. 368 г. до н. э.) делает вывод о культурно-цивилизационном значении слова: «[Слово] – виновник самого прекрасного, что есть в человеческой природе. Ничем другим мы не превосходим животных... Но мы умеем убеждать друг друга и говорить, о чем угодно, и благодаря этому мы перестали жить наподобие зверей, но собрались вместе, чтобы построить города, дали себе законы, изобрели ремесла, и почти во всем, что нами было устроено, слово было нашим соучастником» (Isocr. Ad Nic. 5-9, пер. Э. Д. Фролова (5); ср.: Antid. 236; Paneg. 48). Анализ «философии красноречия» Исократова см.: 20, 54-75; 18, 49-74.

² Вслед за Дж. Керфердом принято говорить о софистическом движении (27). К числу софистов, как правило, относят следующих мыслителей: Протагор, Горгий, Продик, Гипсий, Антифонт, Фрасимах (15). Определение значения творчества отдельных софистов, как и в целом софистики в истории философии XIX – XX вв. носило оценочный и в основном негативный характер (до сих пор большинство отечественных исследователей в оценке софистов следуют за Сократом и Платоном). Однако ситуация меняется: софистика как интеллектуальное движение вызывает интерес (19), оценки становятся более объективными. Сегодня можно говорить не только о внимании к софистам со стороны западных исследователей, но и о формировании современной отечественной традиции: работы М. Н. Вольф (13), Р. Б. Галанина (14). В 2021 г. выходит новый перевод сохранившихся фрагментов, выполненный Е. В. Афонасиным (2).

тивности обучения, словесное искусство (ἡ περὶ τοὺς λόγους τέχνη или τέχνη τῶν λόγων) становится предметом осмысления: софист, обладая знаниями и умениями, должен был не только публично демонстрировать свое искусство, но и знать, как научить ему других. Словесное искусство начинает специализироваться и дифференцироваться; наиболее востребованным становится ораторское искусство (ἡ ῥητορικὴ τέχνη), которое преподают в качестве основного предмета, а иногда и единственного, практически все софисты. Значение и специфику риторики хорошо осознавал Платон, противопоставляя ее другим видам технэ: «В остальных искусствах почти вся опытность относится к ручному труду и другой подобной деятельности, а в красноречии ничего похожего на ручной труд нет, но вся его деятельность и вся сущность заключены в речах» (Pl. Gorg. 450 b)³. Испытав на себе силу слова «отца риторики», как называли Горгия (Philostr. Vit. Soph. I 9, 1), многие честолюбивые греки увидели в овладении красноречием залог успешной карьеры практически в любой области.

Как само происхождение риторики, так и ее распространение, связано прежде всего с судебной практикой⁴. Именно в рамках судебного красноречия получает развитие так называемый антитетический принцип, т. е. наличие аргументов за и против одного и того же положения. Особое внимание в судебной риторике обращалось на описание способов представления фактов. В частности, показывалось, что ложный, но правдоподобный аргумент может быть убедительнее истинного. Одним из существенных признаков процесса институализации ораторского искусства стало появление первых учебников риторики, так называемых «Технэ» (τέχνηαι λόγων, Plat. Phaedr. 266d-267e; Arist. Rhet. I, 1354b16-22). Согласно традиции, идущей от Платона и Аристотеля (Arist. Rhet. II, 24 1402 a), автором первых руководств был сицилийский ритор Тисий, ученик Корака (в свою очередь, его учениками традиция называет Лисия и Исократа). Его руководства содержали не только образцы судебных речей, но и описания правил их построения. В последующем руководства-технэ, содержащие риторические

³ Здесь и далее русские переводы Платона даются по изд. (6).

⁴ Подр. (30).

аргументы, языковые нормы и правила, приобретают статус необходимой учебной литературы; их авторами традиция называет практически всех известных нам риторов – Горгия, Фрасимаха, Исократа, Антифонта и др.

Судебное красноречие дало мощный импульс осмыслению и развитию техники аргументации. Выделяются, хотя строгая терминологическая определенность в рамках софистического дискурса не возникнет, эристика (τέχνη ἐριστικῶν) как искусство спора (от греч. ἐρίζω, спорить) и антилогика (ἀντιλογική τέχνη) как искусство противоречия. Различные новшества в преподавании и специальную разработку искусства спора традиция приписывает Протагору⁵, автору сочинений «Искусство спора» (Τέχνη ἐριστικῶν) и «Противоположные речи» («Антилогии» – Ἀντιλογίῶν – D. L. IX, 55). Согласно Диогену Лаэртскому, именно Протагор стоял у истоков и эристики, и антилогики, ибо он «первый заявил, что о всяком предмете можно сказать двояко и противоположным образом», «стал устраивать состязания в споре и придумал уловки для тяжущихся», «ввел в употребление сократический способ беседы», «указал, как можно оспорить любое положение» (D. L. IX, 51-53)⁶.

Основанием «искусства противоречия» стал разработанный Зеноном Элейским метод опровержения через выявление противоречий, впоследствии названный методом «приведения к нелепости» (reductio ad absurdum). Предложенная Зеноном техника выведения из защищаемого тезиса противоречащих следствий с целью демонстрации его внутренней противоречивости широко использовалась софистами. Для них быть искусным в эристике значило побеждать в споре, ибо цель словесного агона, как всякого поединка или сражения, – победа, для достижения которой оправдываются любые средства. Победа в споре-агоне, представляющем определенную последовательность вопросов-ответов, заключается в том, чтобы публично заставить отвечающего противоречить самому себе, сломив его попытки избежать этой ловушки. В этом случае демонстрация противоречия важна сама по себе и не зависит от истинности или ложности обсуждаемых утверждений. И хотя такая этиче-

⁵ О Протагоре подр.: 15, 397-408; 14, 37-135

⁶ Здесь и далее Диоген Лаэртский цит. в русском переводе М. Л. Гаспарова (4).

ская и гносеологическая нейтральность рассуждений давала основания для обвинений софистов в беспринципности, основным вектором развития разговорной практики (διαλέγομαι) стала дальнейшая ее формализация и совершенствование приемов аргументации. Иллюстрацией этого могут быть «Тетралогии» Антифонта, содержащие попарно расположенные фиктивные речи тяжущихся сторон, и анонимный текст, дошедший до нас под названием «Двойные речи» (Δισσοὶ λόγοι, или иначе – Διαλέξεις, «Рассуждения»). В нем нашли отражение основные темы софистических бесед, в которых по каждому из рассматриваемых вопросов предлагались доводы как «за», так и «против». В качестве специальной практики эристика разрабатывалась в мегарской школе, особенно при Сильпоне, превосходившем всех изобретательностью и софистикой (D. L. II, 113).

Платон как изобретатель диалектики

Итак, как мы видим, главной особенностью софистической методологии работы со словом является формализация этой практики, делающая ее гносеологически нейтральной, т. е. не ставящий проблемы истинного/ложного знания. Оценку такого рода занятий находим у Аристотеля в «О софистических опровержениях»: «Обучение эристическим доводам за плату было сходно с учением Горгия. Ибо одни предлагали [ученикам] заучивать риторические речи, другие – речи, в которых умело ставятся вопросы, речи, которые, как они полагали чаще всего подходят для приведения доводов за и против. Поэтому обучение ими учеников было быстрым, но неумелым. Ибо они полагали, что можно обучать, передавая ученикам не [само] искусство, а то, что получено искусством...» (Arist. Soph. El. 34, 183b36–184a2)⁷.

В этом отношении показательна позиция Исократы, открывшего в Афинах примерно в 392 г. до н. э. первую стационарную риторическую школу с длительным сроком (до 4-х лет) обучения⁸. В программной речи «Против софистов», противопоставляя себя как прежним, так и современным софистам – платным

⁷ Здесь и далее русские переводы Аристотеля даются по изд.: (1)

⁸ Подр. см.: (23; 30)

учителям эристики, политического и судебного красноречия, Исократ утверждал, что именно риторика, которую он объявил новой философией, закладывает фундамент необходимого воспитания гражданина. В слове Исократ видел инструмент, позволяющий осуществлять справедливость. Не всякий, кто владел словом, был добродетельным, однако человек не мог быть добродетельным, не владея словом; риторика и этика в рамках исократовской философии речи оказывались тесно связанными: «В правдивом, честном и справедливом слове видим отображение доброй и справедливой души» (Isocr. III. Ad Nic., 7). Однако, по мнению Исократа, не поиски истины должны вдохновлять учеников, а стремление достичь максимальной пользы для себя и для государства, ибо «гораздо лучше иметь правдоподобное мнение о вещах полезных, чем о бесполезных иметь точное знание» (Isocr. X. Hel. 5). Таким образом, и у Исократа словесное искусство остается не связанным с поисками истины.

Какое значение технике ведения бесед придавал исторический Сократ, мы не знаем. Скорее всего, для современников он был софистом, блестяще владевшим риторическим искусством⁹. И Платон, и Ксенофонт рисуют Сократа человеком, для которого искусная беседа становится формой жизни, формой, вне которой она теряет свой смысл. Даже смерть понимается Сократом как возможность с несказанным блаженством беседовать (διαλέγεσθαι) с бессмертными философами, поэтами, героями (Pl. Apol. 38 a; 41a-c).

Появление же самих терминов «диалектика» и «метод», а также разработка диалектики как особой методологии связаны с именем Платона¹⁰. Термин «диалектика» (ἡ διαλεκτική) он впервые использует в «Государстве», детально анализируя его содержание в Седьмой книге (Pl. Resp. 531d-533d) и дополняя его такими близкими по смыслу понятиями, как «диалектическая способность», «диалектический метод». Анализ диалогов Платона показывает, что «диалектика» (как и понятия, близкие по значению) употребляется в двух основных контекстах, задающих два различных значения.

⁹ О Сократе и современном сократоведении см.: (24; 28)

¹⁰ Детальный анализ эволюции диалектики у Платона исследование Ю. А. Шичалина «О диалектике у Платона и в Академии» (7, 25-73).

Появление первого значения диалектики как методологии связано с необходимостью продумывания Платоном собственной педагогической стратегии в контексте интеллектуального соперничества с риторическим искусством и создания философской школы. В частности, в ряде диалогов софистической агонистике (ее представителем нередко выступает и сам Сократ) Платон противопоставляет иную технику ведения бесед. Прежде всего, беседа не должна быть похожей на схватку с противником, где собеседник «закидает тебя из своей засады..., будет опровергать тебя настойчиво и не отпустит, пока ты, ... запутавшись в его сети, не откупишься деньгами»; но должна быть серьезной, дружеской, располагающей собеседника к откровенности (Pl. Theat. 165d-168b; Men. 75d). Важно, чтобы собеседник высказывал собственное мнение, а не придумывал ответы, пытаясь избегать расставленных ловушек, как учили софисты. В этом смысле новая техника разговора близка майевтике – повивальному искусству, способствующему рождению знания: «Как задача повитухи состоит в том, чтобы вывести на свет находящееся во чреве дитя, так задача мудреца – в том, чтобы вывести на свет все скрытое в глубине души и помочь ей во время этих родовых мук» (Anonym. Prol. 2, 11¹¹; ср.: Pl. Theat. 150a-151c; Sym. 206c). Цель такой беседы состоит в том, чтобы «навести» собеседника на путь раскрытия содержания значимых для каждого человека этических понятий (справедливость, мужество, благочестие и т. д.), открыть за многозначностью слов постоянный, самождественный смысл, усматривая общее в различающемся, сходное в несходном, единое во многом, сущность в ее проявлениях. Таким образом, диалектическое искусство предстает, по мысли Платона, в качестве такой специально организованной разговорной практики, которая перестает быть гносеологически нейтральной, становясь средством постижения истины. По мнению Платона, рассуждать, не стремясь к истине, может лишь «ненавистник слова» (Pl. Phaed. 89d), ибо он не ценит слово как инструмент для добывания истины и использует его ради собственной выгоды. Поэтому любое словесное искусство (эристика, риторика и др.),

¹¹ Анонимные пролегомены к платоновской философии /Пер. Т. Ю. Бородай, А. А. Пичхадзе (6. Т. 4, 664-693).

не знающее истины, а гонящееся за мнениями, получается «смешным и неискusным» (Pl. Phaed. 261e).

Второе значение диалектика приобретает в контексте онтологических построений Платона, выступая уже не как искусство беседы, а как искусство правильного мышления, состоящее в умении оперировать понятиями с целью определения сущности любой вещи. По Платону диалектиком может быть назван тот, «кому доступно доказательство (τὸν λόγον) сущности (τῆς οὐσίας) каждой вещи» (Pl. Resp. 534 b3-4). В целом ряде диалогов Платон тщательно исследует процедуру возведения (συναγωγή) чувственно воспринимаемого множества к единому понятию, или идее, выражающей его смысловое единство и выступающей в качестве цели-образца. Итогом этих исследований можно считать Седьмую книгу «Государства». В этой книге именно метод возведения Платон называет «диалектическим путем» и «диалектическим методом», который один лишь «придерживается правильного пути», «минуя ощущения, посредством одного лишь разума, устремляется к сущности любого предмета» (Pl. Resp. 532a). Убежденность Платона не только в объективном существовании смысла вещей, но и в особом онтологическом статусе идей-эйдосов, статусе истинного бытия, определила место и значение диалектики. В качестве истинного метода диалектика «высвобождает зарытое в какую-то грязь око души и направляет его ввысь», «оказывается на самой вершине умопостигаемого». Выступая как средство постижения истинного бытия, диалектика «венчает все знания» (τέλος τὰ τῶν μαθημάτων – Resp. 535a1; ср.: диалектика как «царское искусство» – Euthyd. 292c-d; Polit. 259b), остальные же искусства (μαθήματα: арифметика, геометрия, астрономия, гармоника) играют вспомогательную роль «помощников и попугачиков».

Направление дальнейшей разработки диалектики связано с эволюцией метафизических взглядов Платона. Ее содержание и статус в таких диалогах, как «Парменид», «Софист», «Политик», «Законы», «Филеб», «Федр»¹², определяет платонов-

¹² Обсуждение вопроса о хронологии сочинений Платона выходит за пределы данной статьи и дается по Х. Теслефу (29) и Ю. Д. Шичалину (26). В соответствии с ней перечисленные диалоги написаны Платоном после второй поездки на Сицилию (после 365 г. до н. э.) и в той или иной степени отражают академические

ское утверждение отличия идей как истинного бытия (вечного, неизменного, непротиворечивого и самоидентифицируемого) от понятий как их умопостигаемых подобий, каждое из которых, будучи конечным и ограниченным, определяется через свою противоположность¹³. Осознание принципиального различия между идеями и понятиями приводит Платона к изменению статуса диалектики: диалектику как «искусство мыслить» он ограничивает областью понятий, что, в свою очередь, требует и более тщательной ее разработки как метода оперирования понятиями.

Формулируя в «Софисте» задачу «диалектического знания» (διαλεκτικῆς ἐπιστήμης) – «различать все по родам (τὸ κατὰ γένη διακρίσθαι), не принимать один и тот же вид за иной и иной за тот же самый (Pl. Soph. 253 d1-2; ср.: Phaedr. 265 d-e), Платон конкретизирует эту процедуру: «Тот, кто способен это делать, ясно распознает (διαισθάνεται) одну идею, везде (πάντη) распростертую (διατεταμένην) через многое, где каждое находится отдельно от другого; и многие идеи, отличные друг от друга, охваченные (περιεχομένας) из вне одной; и снова одну, сквозь многие целостности связываемую в единство (δὲ ὅλων πολλῶν ἐν ἐνὶ συνημμένην); и многие, совершенно отдельные и разграниченные (διωρισμένας). И это – знание того, как различать (διακρίνειν) по родам, каким образом каждый способен к взаимодействию, каким – нет» (Pl. Soph. 253d3-e1)¹⁴.

Кроме этого, Платон дополняет метод возведения методом деления (διαίρεσις, диэрэза). И хотя практика диэрэзы была уже давно хорошо освоена Платоном, только в «Софисте», «Пармениде», «Политике», «Филебе» и «Федре» он определяет внутреннюю структуру и правила этого метода. А именно, операция деления должна производиться как с учетом природы вещей, так и внутренней структуры делимого понятия, чтобы не уподобляться плохим поварам, разрубающих мясо,

дискуссии. Что касается «Федра», то вполне убедительным представляется мнение Ю. А. Шичалина о двух редакциях диалога, вторая из которых непосредственно связана с работой над более поздними диалогами (25, VIII – LXXIII).

¹³ Изложение авторской концепции соотношения у Платона идеи как истинного бытия и понятия как ее умопостигаемого подобия подробнее см.: (22).

¹⁴ Пер. И. А. Протопоповой (8); о диалектике и диэрэзе в «Софисте» см. Введение, особ. С.48-63.

не считаясь с расположением его природных частей (Phaedr. 265d1-3). Наиболее эффективной формой дизреззы Платон считал дихотомическое деление, однако в соответствие с природой вещей допускал, что деление может быть и трехчленным, и многочленным (Polit. 287b-c, Soph. 265e). Деление понятий должно производиться непрерывно и до его логического конца. Его можно назвать завершенным, когда достигнуто знание о неделимом далее на противоположные определения виде, сущности объекта (Phaedr. 277b, Polit. 287c). В «Филебе», по мнению большинства исследователей, одном из самых поздних диалогов, Платон вновь возвращается к определению диалектического метода: «Мы должны вести исследование, полагая одну идею для всего, и эту идею мы там найдем. Когда же мы ее схватим, нужно смотреть, нет ли еще двух, а может быть трех идей или какого-то иного их числа, и затем с каждым из этих единств поступать таким же точно образом до тех пор, пока первоначальное единство не предстанет как количественно определенное» (Phil. 16d1-4).

Таким образом, «диалектическое искусство» зрелого Платона выступает как единство двух исследовательских стратегий – обобщения и деления. Будучи реализованные в единстве, они позволяют показать «смешение одного с другим», «взаимное переплетение эйдосов»: «главнейших родов» в «Софисте», смешение единого и многого в «Пармениде» и др. Иначе говоря, виртуозно владея диалектикой, Платон демонстрирует ее исследовательскую силу – раскрывает самопротиворечивый процесс объединения многообразия в единстве понятия. И хотя зрелый Платон утверждает сверхразумный характер знания об истинном бытии, открывающегося уму непосредственно, диалектика сохраняет статус высшей формы рассудочного знания (ἐπιστήμη). Платон уверен, что так понимаемая диалектика может быть доступна только философу (Pl. Soph. 253e), ибо выступает как общая методология, позволяющая «наблюдать, изучать и обучать друг друга» (Pl. Phileb. 16e2; ср.: Leg. 965b-c).

Диалектика как учебная дисциплина (академики, Аристотель)

Диалектику можно считать одним из основных предметов обучения в Академии. Учениками Платона была разработана система методов обучения, включающая в себя изучение диалогов-образцов, составление собственных речей, содержащих доказательства, как тезиса, так и антитезиса, и диалогов, воспроизводящих в редуцированной форме характер бесед, состоящих из аргументов за и против. Кроме того, ученики принимали участие в так называемых «сократических играх»: под руководством учителей они должны были отстаивать предложенный тезис, раскрывать слабость аргументации противника, приводя его к противоречию и отказу от отстаиваемого положения. Выдвигаемые ради упражнения тезисы не отражали убеждений участников спора, целью которого была победа, а не поиск истины, что делало академическую диалектику во многом схожей с софистической практикой и вызывало недовольство Платона (Pl. Resp. 535d). Систематические занятия диалектикой требовали ее осмысления и приводили к созданию специальной технической и учебной литературы. Примерами такого рода литературы могут быть названы работы Спевсиппа: «Разбор руководств» (Τεχνῶν ἔλεγχος), «О руководстве» (Τεχνικόν), «Определения» (Ὅροι) и др.; разнообразные пособия по диалектике Ксенократа: «Изучение диалектики» (Τῆς περὶ τὸ διαλέγεσθαι πραγμάτων), «Книги рассуждений» (Λογιστικῶν βιβλία), «Разрешение спорных рассуждений» (Λύσις τῶν περὶ τοὺς λόγους) и др.; целый ряд работ Аристотеля. Определяющим для Академии становится отказ от платоновского понимания диалектики как метода достижения истинного знания¹⁵.

Новый подход к диалектике, отчасти восстанавливающий ее связь с риторикой и софистикой, наиболее полно выражен Аристотелем в «Топике» (вероятно, первоначально название – «Диалектика»), ставшей теоретической кодификацией практики диалектических споров. Согласно Аристотелю, диалектическое

¹⁵ Подробное об организации и характере обучения в Академии см. работы Дж. Диллона (17, 12- 28) и И. Н. Мочаловой (21, 235-264).

искусство «полезно для троякого рода вещей: для упражнения, для общения, для философского познания» (Arist. Top. 101a 26-28). Как упражнение ума диалектика представляет собой тренировку способности аргументировать «за» или «против» любого выставленного для обсуждения тезиса. Такую диалектику Аристотель называет агонистикой, отличая ее от эристики, допускающей произвольные ошибки в споре, и софистики, ошибающейся с умом и ради выгоды. Как искусство общения диалектика исследует общепринятые, правдоподобные мнения, позволяя грамотно высказываться на любую тему в любой аудитории, оставаясь в области общепринятого, не впадая в «невероятное» и противное здравому смыслу.

Для философского познания ценность диалектики, согласно Аристотелю, трояка. Диалектика очищает знание от ошибочных утверждений. Такое исследование Аристотель называет испытанием, «пейрастикой» (πειραστική) от гл. πειράσθαι – испытывать, мериться силами), понимая ее как часть диалектики (Arist. Soph. El. 169 b 25). Диалектика исследует начала всякого знания посредством рассмотрения возникающих в их отношении противоречий и трудностей (апорий). Апоретический метод, раскрывая противоречия, способствует выработке собственного мнения и подготавливает к непосредственному постижению начал. Наконец, диалектика есть особый метод исследования и получения нового знания. Аристотель разрабатывает «диалектические силлогизмы», посвящая их анализу большую часть «Томики» (гл. 2–7). Поскольку основу этих непротиворечивых умозаключений составляют мнения, принятые на веру, с их помощью могут быть получены лишь вероятные, хотя и непротиворечивые выводы.

Таким образом, диалектика для Аристотеля – это метод исследования правдоподобных мнений, причем, в отличие от Платона, Аристотеля как диалектика интересует не столько содержание знания, сколько форма его организации. Диалектике отводится место подготовительной ступени познания, во многом противопоставленной аналитике, исследующей условия и методы достоверного, аподиктического знания. Для Аристотеля диалектик, пребывающий в области мнений, всегда уступает философу, обладающему истинным знанием первых начал и исследующему «сущее как таковое, в то время как «диа-

лектика и софистика имеют дело с приводящими свойствами» (Arist. Met. XI, 1061 b 8-9). Такое понимание диалектики в целом сохранится в аристотелизме и найдет приверженцев среди скептиков, утверждавших вслед за Аристотелем диалектику как учение о вероятностном знании. Учитывая обширный опыт софистов и мегариков, скептики пришли к выводу о невозможности ничего ни утверждать, ни отрицать, сохраняя за собой право только исследовать (Sext. Emp. Purr. I, 3), т. е. раскрывать противоречивость всего существующего (D. L. IX, 78-79). В этом случае диалектика (как и риторика) понималась как «защитница всего противоречивого», «знание всякой лжи, а поэтому и всего истинного» (Sext. Emp. Adv. Math. II, 69-70).

Диалектика в эпоху эллинизма

Важным шагом в развитии античной диалектики стал синтез представленных в классическую эпоху традиций логики и диалектики, осуществленный стоиками, осознающими себя продолжателями диалектических изысканий Платона, Аристотеля (вплоть до их последователей Полемона и Стратона) и мегариков (ср.: фр. 126 Столяров)¹⁶. Наиболее полно стоическая диалектика была разработана Хрисиппом, который «в области диалектики приобрел такую известность, что, по всеобщему мнению, если бы у богов была диалектика, она была бы Хрисипповой» (D. L. VII, 180; ср.: фр. 28 Столяров). Данной теме третий схолярх Стои посвятил многочисленные сочинения, в частности: «Руководство по диалектике» (Τέχνη διαλεκτική); «Диалектические определения»; «Об употреблении имен в диалектике»; «О диалектических апориях»; «О диалектике»; «О возражениях диалектикам», «О том, что древние использовали диалектику наряду с доказательствами» и др. (D. L. VII, 189-202).

Следуя за Сократом, по его мнению, наиболее «серьезным» диалектиком, Хрисипп разделяет традиционное понимание диалектики как искусства «правильно рассуждать и правильно беседовать», что означает «умение разбирать предложенный

¹⁶ Фрагменты стоиков цитируются по подготовленному А. А. Столяровым комментированному переводу классического стоического корпуса фон Арнима (11).

предмет и отвечать на вопросы» (Фр. 130 Столяров), и в дальнейшей разработке этого искусства стоики во многом опираются на «Топику» Аристотеля.

Другой подход к диалектике определяется метафизическими воззрениями стоиков, в соответствии с которыми она рассматривается как раздел учения о логосе, названного «логикой». Логосом как звучащим словом (λόγος профорικός) занимается риторика, составляя первую часть логики. Логос, данный в мышлении (λόγος ἐνδιάθετος), исследует диалектика, составляя главную часть логики, а нередко выступая ее синонимом. В этом случае предметом диалектики (=семантики) становятся «обозначающее» – словесные знаки (звуки, слоги, слова, предложения) и «обозначаемое» – то, что высказывается и выражает смысл («лектон»): понятия, суждения, умозаключения. Цель диалектики состоит в том, чтобы, раскрыв связь между телесным знаком и чувственно данным предметом и бестелесным обозначающим смыслом, определить «истинное, ложное и то, что не является ни истинным, ни ложным» (Фр. 122; ср.: фр. 123 Столяров).

В соответствии с данной целью определяются две задачи и два значения стоической диалектики. Первая задача состоит в определении критерия истины. Для чувственного познания таким критерием выступает «схватывающее представление» (καταληπτικὴ φαντασία), на основе которого возникает адекватное (истинное) суждение восприятия. Признаком истинности научного знания становится его логическая доказуемость, возможность которой определяется представлением стоиков о космосе как едином и согласованном, все суждения о котором также должны быть согласованы друг с другом. Разрабатывая учение о критерии истины, стоики понимают диалектику как теорию познания.

Вторую задачу диалектики стоики связывают с разработкой учения об умозаключении и доказательстве (стоическая силлогистика), понимая в этом случае диалектику как логику, или науку о правильном мышлении, предметом которой выступают суждения. И хотя стоическая силлогистика сформировалась под влиянием «Аналитик» Аристотеля и модальной логики мегарской школы, она может рассматриваться как оригинальная логика высказываний, отличающаяся от логической теории родо-видовых отношений Аристотеля. Таким образом,

стоическая диалектика представляет собой, с одной стороны, истинный метод, определяющий принципы и границы познания, критерий истинного и ложного знания, а с другой, – само истинное знание, владеть которым может только мудрец, по мнению стоиков, и являющийся истинным диалектиком (фр. 124; ср.: фр. 130 Столяров).

В отличие от стоиков ни так называемые средние платоники, ни неоплатоники специальными разработками в области диалектики не занимались и не выработали оригинальной концепции диалектики. Понимание ее сущности и роли определялось точкой зрения на соотношение платоновской и аристотелевской философии, что позволяет говорить, по крайней мере, о двух сложившихся уже в рамках среднего платонизма традициях¹⁷. Согласно первой, философия Аристотеля, и прежде всего его учение о сущности, рассматривалась как несовместимая с исходными положениями платонизма. Такой подход приводил к сохранению и наиболее адекватному воспроизведению платоновского понимания диалектики как высшей философской науки.

Большей оригинальностью отличались мыслители, гармонизирующие учения Платона Аристотеля. В этом случае философия Аристотеля интерпретировалась как определенным образом дополняющая учение Платона, а его логика с включенными в нее стоическими элементами понималась как введение в платонизм. Представители этой традиции (Антиох Аскалонский, Плутарх из Херонеи, Апулей и др.) понимали диалектику, или «науку о разумно организованной речи», как ее называл Антиох (*apud Cic. Acad. Post. VIII, 32 (12, 71-73)*), как раздел философии, посвященный рациональному мышлению. Он включал в себя, в частности у Антиоха, определения, этимологии, доказательства и силлогистику и выступал в качестве логики, вобравшей в себя элементы академической, перипатетической и стоической философии.

¹⁷ До сих пор средний платонизм остается одной из малоизученных тем античной философии. И хотя изданная в 1975 г. пионерская работа Дж. Диллона (2-е изд. – 1996 г., русский перевод – 2002 г.) «Средние платоники. 80 г. до н. э. – 220 г. н. э. (16)» заполнила существовавшую лауну, многие проблемы, в том числе и проблема диалектики в среднем платонизме, требуют специальных исследований.

Однако говорить об этих традициях можно лишь условно. Как правило, диалектика используется как многозначный термин, содержание которого определяется тем контекстом, в котором он употребляется. В этом смысле типичной представляется фигура Алкиноя (Альбина), автора «Учебника платоновской философии» (6, т. 4, 625-663). Следуя за «Государством» Платона, он определяет диалектику как вершину теоретической философии, высшую науку о божественном, которая увенчивает и охраняет всякое знание, а в качестве диалектического метода восходит к беспредпосылочным началам (*Didasc.* VII, 5). С другой стороны, Алкиной понимает под диалектикой лишь «знание речей», способность усматривать «сущность всякой вещи» и ее свойства (*Didasc.* III, 1; V, 1), фактически отождествляя диалектику с эллинистической логикой. В этой диалектике Алкиной выделяет четыре части (разделение, определение, индукция и силлогизм) и приписывает Платону всю систему перипатетической логики (*Didasc.* III, 2; V, 1-7).

Диалектика в неоплатонизме

Обе традиции среднего платонизма получили свое дальнейшее развитие в неоплатонизме: первая представлена, прежде всего, в оригинальном творчестве Плотина, Прокла, Олимпиодора и ряда др. неоплатоников; вторая – нашла выражение в школьной практике неоплатонизма, в частности в Александрийской школе, где курс аристотелевской логики был обязательным введением в изучение философии Платона. Дополняя друг друга, они образовали единую традицию античного неоплатонизма. В качестве базового текста, выразившего понимание диалектики в неоплатонизме, можно рассматривать небольшой трактат Плотина «О диалектике» (*Plot. Enn.* I, 3)¹⁸. Понимая под диалектикой наиболее ценную часть философии, Плотин видит ее задачу как искусства и метода в том, чтобы возвести человека от низшего, чувственного мира к Уму, к Благу, к самому Сущему (ср.: *Procl. Theolog. Plat.* I, 39-40)¹⁹. По мнению Плотина, достижению «вершины умопостигаемого»

¹⁸ Русский пер. Т. Г. Сидаша см.: (9, с. 139-156).

¹⁹ Русский пер. Л. Ю. Лукомского см.: 10

предшествуют два этапа, на каждом из которых диалектика как метод познания раскрывает свою специфику. На первом этапе происходит восхождение от зримых, чувственных вещей к бес-телесным началам. На втором — диалектика выступает как истинное рациональное мышление, «наука, способная говорить о каждом согласно его логосу». Она «располагается в умопости-гаемом и насыщает душу «полями истины». Далее, достигнув истины, «диалектика приходит в безмолвие», ибо о Едином невозможно логическое мышление (Plot. Enn. I. 3, 2–4). Следуя в целом за Платином, Прокл назовет первый этап «эротикой» – «восхождением к красоте», второй – майевтикой, припоминанием вечного бытия, и только третий – диалекти-кой, «восхождением к благу», утверждая этим ее ценностный статус как истинного высшего знания (Procl. In Alc., 28.16–29.4). Столь высоко оценивая диалектику, Прокл неоднократно под-черкивал в «Платоновской теологии» [15] несводимость ее к логике, выступающей лишь в качестве «орудия философа» в области «кажущегося сущего» (Procl. Theolog. Plat. I, 40; ср.: Plotin. Enn. I. 3, 5).

Высокая оценка диалектики Платоном и неоплатониками, тщательная ее разработка как пропедевтики Аристотелем и как собственно логики в рамках стоицизма определяют место диа-лектики в западноевропейской философии. Войдя в Средние века в число семи свободных искусств, диалектика на века сохранила одно из значимых мест не только в структуре фило-софского знания, но и в образовательной практике.

Литература

1. *Аристотель*. Сочинения: В 4-х т. / пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1981 – 1983 (Филос. наследие).
2. *Афонасин Е. В.* Греческие софисты. Фрагменты и свиде-тельства. СПб.: Издательство РХГА, 2021.
3. *Горгий*. Похвала Елене / Ораторы Греции: пер. с древне-греч. / Сост. и науч. подгот. текстов М. Гаспарова. – М.: Худож. лит., 1985. С. 27–31.
4. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях зна-менитых философов / общ. ред. и вступит. статья А. Ф. Лосева / пер. М. Л. Гаспарова. – М.: Мысль, 1979 (Филос. наследие).

5. *Исократ*. Речи. Письма. Малые аттические ораторы. Речи / Изд. подготовлено Э. Д. Фроловым. – М.: Ладомир, 2013.

6. *Платон*. Собрание сочинений в 4 т. / Общ. ред. А. Ф. Loseva и др. – М.: Мысль, 1990–1994 (Филос. наследие)

7. *Платон*. Парменид / Перевод, введение, комментарии, приложение, указатель имен Ю. А. Шичалина. – СПб.: Издательство РХГА, 2017.

8. *Платон*. Софист / Перевод, введение, комментарии, приложение И.А. Протопоповой. – СПб.: Издательство РХГА, 2019.

9. *Плотин*. Первая эннеада / пер., вступ. ст., коммент. Т. Г. Сидаша, Р. В. Светлова. – СПб.: «Изд-во Олега Абышко», 2004.

10. *Прокл*. Платоновская теология / пер. с древнегреч., сост., статья, примечания, указатели, словарь Л. Ю. Лукомского. – СПб.: РХГИ; «Летний сад», 2001.

11. Фрагменты ранних стоиков. В 3-х т. / перевод и комментарии А. А. Столярова. – М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1998–2008.

12. *Цицерон*. Учение академиков / пер. Н. А. Федорова. – М.: Индрик, 2004.

Исследования

13. *Вольф М.* Софистика. Горгий Леонтийский: трактат «О не-сущем, или О природе» в современных интерпретациях. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014

14. *Галанин Р. Б.* Риторика Протагора и Горгия. СПб.: Издательство РХГА, 2016.

15. *Гатри У. К. Ч.* История греческой философии. Т.3. Софисты. Сократ. – СПб.: Владимир Даль, 2021

16. *Диллон Дж.* Средние платоники. 80 г. до н. э. – 220 г. н. э. / пер. с англ. Е. В. Афонасина. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2002; Алетея, 2002.

17. *Диллон Дж.* Наследники Платона: Исследование истории Древней Академии (347 – 274 гг. до н. э.) / пер. с англ. Е. В. Афонасина. – СПб.: СПбГУ, 2005.

18. *Исаева В. И.* Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. – М.: Наука. – 1994.

19. *Кассен Б.* Эффект софистики / пер. с фр. А. Россиуса. – М.-СПб.: Изд-во «Университетская книга», «Культурная инициатива», 2000.

20. *Миллер Т. А.* К истории литературной критики в классической Греции V – IV вв. до н. э. / Древнегреческая литературная критика. – М.: Наука. – 1975. С. 37–75.

21. *Мочалова И. Н.* Метафизика ранней Академии и проблемы творческого наследия Платона и Аристотеля // ΑΚΑΔΗΜΕΙΑ. Материалы и исследования по истории платонизма. Межвузовский сборник. Вып. 3 / Под ред. А. В.Цыба. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 226-348.

22. *Мочалова И. Н.* Учение Платона об идеях в контексте раннеакадемических дискуссий // Платоновский сборник. Т. I. / Ред. И. А. Протопопова, О. В. Алиева и др. – М.-СПб.: РГГУ-РХГА, 2014. С. 201-230.

23. *Мочалова И. Н.* «Высшее образование» в Афинах начала IV в. до н. э.: риторические школы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2016. №3. С. 17-28

24. *Протопопова И. А.* «Сократический вопрос»: старые проблемы и новые тенденции // SCHOLE. Философское антиковедение и классическая традиция. 2019. Т.13. №1. С. 330–338.

25. *Шичалин Ю. А.* Два варианта платоновского «Федра» / Платон. Федр / пер. А. Н. Егунова / под ред. Ю. А. Шичалина. – М.: «Прогресс», 1989. С. VIII–LXXIII.

26. *Шичалин Ю. А.* Платон и Corpus platonicum: константы новой парадигмы // Вопросы философии. 2015. №8. С.112-123

27. *Kerferd G. B.* The Sophistic movement. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

28. *Moore C.* (ed.). Brill's Companion to the Reception of Socrates. Leiden-Boston: Brill, 2019.

29. *Thesleff H.* Plato's Chronology. Helsinki, 1982.

30. *Worthington I.* (ed.). A Companion to Greek Rhetoric. – Blackwell Publishing, 2007.